

ЭЛЛЕН ВО

МОРОК ПОМНИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эллен Во

Морок помнит

«Автор»

2026

Во Э.

Морок помнит / Э. Во — «Автор», 2026

Журналист Лиара Вельская не верит в случайные ошибки, особенно когда чиновника увольняют через восемь дней после его смерти. Проверка одного документа приводит её к девяти исчезнувшим двуприродным, странным изменениям в Реестре Ликов и Управлению Глубины — ведомству, которое слишком хорошо умеет хранить государственные тайны. А ещё к Мареку Талю, советнику Управления. Он знает больше, чем собирается рассказывать, раздражающе красив, почти неприлично сдержан и почему-то уверен, что Лиаре стоит прекратить расследование. С последним у неё особенно плохо. Всё меняется, когда в доме, которого официально не существует, Лиара находит комнату с именами пропавших. Среди них — её собственное. Теперь ей придётся выяснить, что государство много лет прячет в глубинах Морока, почему кто-то переписывает Лики живых людей и что на самом деле произошло во время Излома. Мрачное расследование, политические тайны, древняя магия и двое людей, которым определённо не стоило интересоваться друг другом.

© Во Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Из архива девяти	7
Хранилище I. Свиток 17/0. Сводная запись об Изломе, составленная на сто семьдесят втором году Союза. Доступ: общий. Дополнения, сделанные до учреждения Союза Девяти, признаны недостоверными и изъяты.	7
Дополнение 17/0-III. Обнаружено при переносе Нижнего архива после затопления западного крыла. Автор неизвестен. Дата предположительно предшествует учреждению Союза. Хранение документа признано нарушением постановления Палаты 11-Г. Уничтожить после ознакомления.	10
Глава 1. Мёртвые не увольняются	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эллен Во

Морок помнит

Пролог

Из архива девяти

Хранилище I. Свиток 17/0. Сводная запись об Изломе, составленная на сто семьдесят втором году Союза. Доступ: общий. Дополнения, сделанные до учреждения Союза Девяти, признаны недостоверными и изъяты.

До Излома земля была единой. Так утверждают карты, сохранившиеся в нижних хранилищах Палаты, так говорят каменные столбы, которые находят теперь на разных берегах Морока, хотя некогда они отмечали одну и ту же дорогу, и так написано в книгах, переживших ночь, когда вода пришла туда, где отродясь не было моря. О том, какой была эта земля, известно куда меньше.

Люди охотно запоминают гибель мира и удивительно быстро забывают, как он жил.

На севере поднимались горы, которые ныне называют Белыми Хребтами, хотя старые народы не давали им общего имени и полагали, что всякая вершина обладает собственным нравом, памятью и правом решать, кому позволено вернуться домой. За горами лежали земли, где зимой солнце едва показывалось над краем мира, а по ночам небо вспыхивало зелёным огнём. Там ставили камни, которых нельзя было касаться железом, оставляли пищу хозяевам снега и никогда не произносили имени умершего над открытой водой.

Южнее тянулись леса и великие реки. Особенно много преданий сохранилось о реке, которую старые записи называют то Великой Матерью, то Белой Дорогой, то просто Рекой, словно никакой другой воды в мире не существовало. По её берегам жили десятки народов, говоривших на разных языках, почитавших разных духов и неизменно сходящихся в одном: у воды есть память. Она помнит кровь. Помнит клятвы. Помнит имена тех, кто утонул. И иногда возвращает долги.

Именно в речных землях впервые появились письменные свидетельства о зилантах. Сегодня детям рассказывают, будто зиланты были огромными крылатыми ящерами, жившими в пещерах и похищавшими скот, однако древнейшие изображения этому противоречат. На камнях они похожи то на змей, то на птиц, то на существ, для которых у человеческого языка попросту не нашлось подходящего слова. Некоторые имеют четыре лапы, другие две, у одних изображены крылья, у других вместо них над спиной вырезаны знаки, значение которых утрачено.

Объединяет изображения только одно. Рядом с зилантом почти всегда изображён человек. Иногда он стоит. Иногда преклоняет колено. Иногда протягивает руку. Ни на одном из известных изображений человек не держит оружия.

После учреждения Союза данное обстоятельство было признано художественной условностью.

Первые достоверные сведения о людях со вторым Ликом относятся приблизительно к тому же времени. Согласно действующему определению Палаты, Ликом называется врождённое проявление иной природы человека, способное изменять его тело, восприятие либо окружающую действительность. Лик не наследуется прямым образом, не может быть приобретён, передан или утрачен и не определяет нравственные качества носителя.

Последнее положение было внесено в Свод законов после Третьего мятежа.

До этого людям хватило почти тысячи лет, чтобы обвинить друг друга во всех возможных несчастьях. В одном селении ребёнка с Ликом считали благословением. В соседнем его топили прежде, чем мать успевала дать ему имя. Одни правители собирали двуприродных при

дворе, другие объявляли на них охоту, третьи создавали из них войска, а наиболее дальновидные предпочитали делать всё перечисленное одновременно, меняя законы в зависимости от того, кому именно требовалось отрубить голову на этой неделе. Однако существовали Лики, которых опасались даже среди двуприродных. Горные хроники упоминают ирбисов. Морские говорят о керах. Первые почти никогда не покидали высоких земель и не признавали над собой власти, кроме собственного слова. Говорили, что ирбис способен пройти там, где для другого заканчивается дорога, исчезнуть среди голого камня и услышать шаг человека прежде, чем тот решит его сделать. Последний достоверно описанный носитель этого Лика погиб за девятнадцать лет до Излома.

Керы принадлежали воде. Сведения о них значительно противоречивее, поскольку большая часть документов Управления Глубины по-прежнему закрыта, а свидетельства рыбаков отличаются тем досадным свойством, что количество зубов у морского чудовища неизменно растёт пропорционально количеству выпитого рассказчиком. Тем не менее несколько источников сходятся в главном. Керы чувствовали живое на расстоянии. Они различали страх, слышали движение под водой и могли находить друг друга в полной темноте на расстояниях, которые считались невозможными. В древних текстах их редко изображали поодиночке, и именно это долгое время считалось главным отличием керов от ирбисов. Одни принадлежали множеству. Другие не принадлежали никому. По какой причине изображения обоих Ликов встречаются рядом с изображениями зилантов, современная наука удовлетворительного объяснения не имеет.

Сам Излом произошёл в ночь с семнадцатого на восемнадцатый день Последнего месяца. Точное время неизвестно. Свидетели, находившиеся на севере, сначала увидели свет. Свидетели на юге услышали звук. Жители речных земель рассказывали, что вода внезапно остановилась, словно великая река на несколько мгновений забыла, в какую сторону ей следует течь. Рыба поднялась к поверхности. Собаки выли. Лошади рвали привязь. На дальнем севере разом погасло сияние, и над снегами установилась такая темнота, что старики позднее клялись, будто впервые увидели ночь без неба. Потом земля раскрылась. Трещина прошла через материк от северных ледников до южных степей, ломая города, леса, дороги и горные цепи, словно всё созданное людьми и природой было лишь рисунком на тонком листе. А затем пришла вода. Никто до сих пор не установил, откуда её оказалось столько. За семь дней исчезла почти треть известной суши, а на месте равнин возникли проливы. Вершины холмов превратились в острова. Дороги оборвались у новых берегов, и ещё десятилетиями путники находили под водой каменные указатели, обещавшие несколько дней пути до городов, над которыми теперь проходили корабли. Так появился Морок. Название возникло позднее, однако прижилось быстро, поскольку моряки утверждали, что вода там ведёт себя неправильно. Глубина менялась без причины. Компасы вращались. В безветрие поднимались волны. Люди слышали под днищем голоса тех, кто давно умер, а некоторые корабли возвращались в гавань через несколько месяцев после исчезновения, хотя для их команд миновало лишь несколько часов.

Были и корабли, которые возвращались без команд. Были команды, которые возвращались без кораблей. Были вещи, о которых в приличном архивном документе писать не принято.

Первые десятилетия после Излома получили название Беспутных лет. Государства исчезали быстрее, чем картографы успевали наносить новые границы. Начались голод, войны и переселения. Северные народы уходили вслед за стадами через замёрзшие проливы, жители речных земель строили поселения на крышах затопленных городов, а на юге за мешок зерна иной раз отдавали земли, за которые прежде воевали несколько поколений. Зиланты исчезли. Официальная наука полагает, что вид не пережил изменение среды. Последнего из них якобы видели на сорок первом году после Излома над восточным берегом Морока. Существо летело на север, хотя одно крыло было повреждено, а за ним тянулся дым. Тела не нашли.

Впрочем, люди вообще удивительно часто объявляют мёртвым всё, что перестает попадаться им на глаза.

На пятьдесят третьем году после Излома представители девяти крупнейших земель собрались на острове Светоград и заключили договор, положивший конец Беспутным годам. Так появился Союз Девяти. Белые Хребты дали ему камень и железо. Золотые Степи дали хлеб и коней. Нижние Земли открыли речные пути. Пепельные Земли принесли руду. Серое Полесье сохранило леса. Звонкие Острова получили торговлю. Тихие Острова сохранили книги. Северные земли согласились охранять Ледяную Грань. Девятый Предел предоставил Союзу то, что в первоначальном тексте договора обозначено единственным словом: «защита».

В позднейших копиях этот пункт отсутствует.

На семьдесят втором году после Излома был создан первый орган наблюдения за Мором, впоследствии преобразованный в Управление Глубины.

На восемьдесят первом появились законы о регистрации двуприродных.

На девяностом Палата официально запретила исследования, направленные на отделение Лика от носителя, поскольку подобная процедура была признана невозможной.

На девяносто первом году были уничтожены все документы, описывающие способы проведения невозможной процедуры.

Причина уничтожения в протоколах не указана.

На этом общедоступная часть свитка заканчивается.

**Дополнение 17/0-III. Обнаружено при переносе
Нижнего архива после затопления западного
крыла. Автор неизвестен. Дата предположительно
предшествует учреждению Союза. Хранение
документа признано нарушением постановления
Палаты 11-Г. Уничтожить после ознакомления.**

Если вы читаете это, значит, они снова начали говорить, что Излом был катастрофой. Не верьте. Я находился там. Я видел людей, которые его совершили. Они не пытались расколоть мир. Они пытались его закрыть.

Мы слишком поздно поняли, что глубина под нами не является глубиной и вода не является водой. Старые народы знали это задолго до нас, поэтому приносили дары рекам, не тревожили камни на севере и никогда не называли зилантов зверями. Мы смеялись над их сказками. Потом перестали.

*Когда первые города исчезли, оставалось только одно средство. Нужно было разорвать дороги между мирами прежде, чем откроется последняя, и ради этого пришлось пожертвовать землёй, морем и миллионами тех, кого никто не спрашивал, готовы ли они стать ценой чужого спасения. Зиланты помогли нам. Большинство погибло. Остальные ушли туда, куда мы не смогли последовать. И если однажды они вернутся, не встречайте их оружием. Не бегите. Не пытайтесь заставить их служить. Спросите только одно. **Что заставило их вернуться.** Потому что зиланты никогда не боялись людей. Они боялись того, что осталось по ту сторону Излома. И если спустя сто семьдесят лет над Мороком снова услышат крылья, значит, древняя печать дала трещину, вода вспомнила старое русло и колесо, которое мы ценой целого мира остановили однажды, снова тронулось с места. Тогда молитесь своим богам, если они ещё способны вас услышать. Но прежде закройте двери. Особенно те, которых вчера в вашем доме ещё не было.*

Глава 1. Мёртвые не увольняются

Дождь шёл третий день подряд, с тем редким для Светограда упорством, которое городские власти обычно проявляли только в двух случаях: когда требовалось собрать новый налог или доказать, что никакой проблемы не существует.

К полудню мостовые окончательно потеряли цвет, крыши потемнели от воды, а Морок за ними слился с низким небом в одну тяжёлую свинцовую полосу. Ветер тащил с набережной сырость, запах соли и мокрого камня, загонял дождь под воротники прохожих и швырял в окна редакции «Гласа» мелкую водяную дробь, словно пытался настойчиво напомнить журналистам, что внешний мир по-прежнему существует и, судя по всему, недоволен их работой.

Внутри пахло мокрой шерстью, типографской краской, дешёвой бумагой и кофе, который умер ещё утром, но продолжал исполнять обязанности. Лиара Вельская сидела на широком подоконнике, прислонившись плечом к оконной раме, и читала приказ об увольнении человека, который к моменту увольнения уже восемь дней как был мёртв. Сапоги она поставила на стул главного редактора. Не из принципа и уж точно не из вредности. Просто другого свободного места поблизости не оказалось, а принцип в редакции всё равно никто не ценил.

Бумага была плотной, хорошей, с едва заметным водяным знаком Канцелярии внутренних земель. В левом верхнем углу стоял регистрационный номер, ниже располагалась круглая синяя печать, настолько чёткая, что можно было различить мельчайшие насечки на государственном гербе. Подпись заместителя управляющего тоже выглядела безупречно: уверенный росчерк человека, которому никогда не приходилось сомневаться, имеет ли он право распоряжаться чужой жизнью.

Приказ 4187. «Советника третьего ранга Эльмара Вейра освободить от занимаемой должности по собственному желанию в связи с состоянием здоровья».

Лиара перечитала последнюю строку и медленно провела ногтем по краю листа. Она не любила идеальные документы, поскольку они всегда напоминали ей мужчин с безукоризненно чистыми сапогами: теоретически ничего подозрительного, практически сразу хочется узнать, где именно они умудрились не испачкаться.

Эльмара Вейра нашли мёртвым шестого числа. Уволили четырнадцатого. Сегодня было двадцать третье. Лиара подняла глаза. За соседним столом Рен уже несколько минут делал вид, будто чрезвычайно увлечён правкой заметки о новых тарифах на речные перевозки. Получалось скверно. Он слишком часто косился в её сторону, а когда человек каждые десять секунд смотрит на тебя поверх страницы, это либо любовь, либо профессиональное любопытство.

В случае Рена первое исключалось по обоюдному согласию.

— Ты знала его? — наконец спросил он.

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

Лиара посмотрела на своё отражение в тёмном оконном стекле. Тонкое лицо, тёмные брови, выбившиеся из собранных волос влажные кудри, которые после дороги через половину города окончательно решили жить собственной жизнью. Ничего особенно примечательного.

— Какое?

— То самое.

— Очень содержательно.

Рен отложил карандаш.

— Вельская, я работаю с тобой четвёртый год. У тебя есть обычное лицо, злое лицо и лицо «мне стало любопытно». Последнее обходится редакции дороже всего.

— Мне стало любопытно. - Лиара снова посмотрела на приказ, нехотя согласившись.

Рен тихо выругался.

— Вот и я о том же.

Она улыбнулась, но скорее краем рта, чем по-настоящему. С Эльмаром Вейром действительно не было ничего общего. Чиновник среднего ранга, сорок семь лет, вдовец, детей нет, последние двенадцать лет служил в Канцелярии внутренних земель. Не настолько влиятельный, чтобы его смерть обсуждали в Палате, и не настолько ничтожный, чтобы исчезновение прошло совсем незамеченным. Идеальный винтик государственной машины: достаточно важный, чтобы подписывать бумаги, но недостаточно важный, чтобы кто-нибудь интересовался им самим.

Вейр умер дома. Дверь была заперта изнутри, окна закрыты, следов борьбы не обнаружено. Соседка услышала грохот около полуночи, но решила, что чиновник опять уронил шкаф или собственное достоинство, и легла спать. Утром служанка вызвала городскую стражу. Заключение лекаря оказалось лаконичным: остановка сердца. Для человека сорока семи лет неприятно, но не невозможно. Однако имелась одна деталь. Эльмар Вейр был двуприродным. И после его смерти Лик не обнаружили.

Лиара несколько секунд смотрела на строку в копии протокола, которую получила утром от человека, предпочитавшего, чтобы его имя никогда не появлялось рядом со словом «Канцелярия».

— Рен.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Именно поэтому и нет.

Она спрыгнула с подоконника, взяла чашку с ближайшего стола, понюхала и немедленно поставила обратно.

— Это кофе?

— Был им при жизни.

— У нас всё сегодня какое-то посмертное.

Рен тяжело вздохнул.

— Чего ты хочешь?

— Архив происшествий за три месяца. Смерти, исчезновения, неопознанные тела.

— Зачем?, — настороженно спросил он.

— Хочу проверить одну мысль.

— Какую?

Лиара посмотрела на него.

— Если скажу, ты начнёшь отговаривать.

— Разумно.

— Поэтому не скажу.

Через сорок минут на её столе лежали три стопки газетных вырезок, сводки городской стражи, копии протоколов и несколько листов, происхождение которых приличному изданию следовало бы отрицать даже под пытками. За окном продолжал бесноваться дождь. Редакция жила своим обычным шумом: кто-то спорил с наборщиком, в дальнем углу два корреспондента выясняли, можно ли назвать члена Палаты идиотом, если имеется три независимых источника, подтверждающих диагноз; хлопала входная дверь, шуршала бумага, звенели чашки, а старые часы над книжным шкафом отставали ровно на семь минут, потому что главный редактор считал это хорошим способом воспитывать пунктуальность. Лиара перестала слышать всё это примерно после пятого дела. К седьмому она перестала пить кофе. К девятому выпрямилась. На листе перед ней стояли девять имён.

Девять человек исчезли за последние одиннадцать недель. Разный возраст, разные профессии, разные районы Светограда. Лекарь. Учитель. Портовый служащий. Вдова торговца.

Мальчишка-подмастерье, которому едва исполнилось девятнадцать. Никакой очевидной связи между ними не существовало, если не считать той, которую городская стража почему-то не сочла заслуживающей внимания. Все девять были двуприродными.

Лиара положила рядом регистрационные карточки. Доступ к Реестру Ликов был закрытым. Разумеется, это совершенно не мешало ей периодически туда заглядывать. Она не считала это преступлением. Скорее своеобразной формой гражданского контроля, которую государство почему-то упорно отказывалось ценить. Лиара медленно перелистывала копии:

Лиса.

Сокол.

Рысь.

Выдра.

Олень.

Ворон.

Волк.

Ещё два вполне обычных Лика. Слишком обычных.

Она вернулась к первой карточке, потом ко второй, затем подняла сведения о дате регистрации и почувствовала знакомое внутреннее движение, которое всегда возникало перед хорошим расследованием: не восторг и даже не азарт, а почти физическое ощущение, будто разрозненные куски мира вдруг начинают медленно поворачиваться правильными сторонами. Все девять карточек менялись. Не одновременно, не одним чиновником и даже не в одном отделе. Кто-то оказался достаточно осторожен, чтобы развести изменения по времени, распределить их между разными регистраторами и спрятать среди тысяч совершенно законных исправлений. Но исправления были. За последний год каждому из девяти заменили сведения о Лике. Какими они были прежде, в доступной части Реестра больше не значилось. Лиара придвинула к себе дело Вейра и положила его имя под остальными. Десятый.

Где-то далеко над Морок прокатился низкий звук. Не гром. Гром приходил сверху, раскалывая небо и заставляя оконные стёкла вздрагивать. Этот звук пришёл откуда-то снизу, из глубины, настолько низкий, что ухо почти не различало его, зато тело услышало прекрасно. Дрожь прошла по полу, поднялась по ножкам стола и неприятно отозвалась под рёбрами. Разговоры в редакции на мгновение стихли. Лиара обнаружила, что сломала карандаш.

Рен подошёл к окну.

— Опять.

— Что «опять»? — задумчиво поинтересовалась девушка.

— Вчера ночью было то же самое. В порту говорят, из Управления Глубины выходили три судна.

Лиара посмотрела вверх крыш. Морок отсюда казался почти неподвижным. Чёрная полоса воды растворялась в тумане, и только редкие белые птицы металась над ней, слишком высоко и слишком далеко от берега. На севере говорили, что на большую воду нельзя смотреть слишком долго, если кажется, будто она смотрит в ответ.

Лиара считала это суеверием. Большею частью.

— С исчезновениями не связано, — сказал Рен.

— Скорее всего.

— Ты сейчас сказала «скорее всего» таким голосом, будто уже собралась доказать обратное.

Она бросила обломки карандаша на стол.

— Я ненавижу выражение «скорее всего».

— Почему?

— Потому что обычно оно означает, что кому-то было лень проверить.

Рен посмотрел на десять имён.

— Куда?

Лиара надела пальто.

— В Канцелярию.

— Зачем?

Она застегнула верхнюю пуговицу и спрятала под воротник выбившийся локон.

— Сначала дам им возможность соврать.

Канцелярия внутренних земель занимала огромное серое здание в центре Светограда, построенное в ту эпоху, когда архитекторы, очевидно, считали главной обязанностью государственного учреждения подавлять человека ещё до того, как он переступит порог. Высокие колонны, тяжёлые двери, лестница из тёмного гранита и два каменных зверя у входа, настолько уродливые, что Лиара каждый раз подозревала в них портретное сходство с кем-нибудь из основателей Союза. Внутри пахло воском, пылью и властью. Последняя, как выяснилось, имела довольно затхлый запах.

До кабинета помощника Эльмара Вейра она добралась за двадцать семь минут, три подписи, две угрозы написать о бюрократических препятствиях и одну совершенно бессовестную ложь о согласованной встрече. Помощник оказался молодым человеком с лицом человека, который уже пожалел о выбранной профессии, но пока не успел накопить достаточно денег, чтобы её сменить.

— Госпожа Вельская, я уже сказал, что не уполномочен обсуждать обстоятельства смерти советника Вейра.

— Прекрасно. Обсудим обстоятельства его увольнения.

Он моргнул. Лиара улыбнулась.

— По собственному желанию, — сказал помощник.

— Через восемь дней после смерти.

— Это административная ошибка.

— Какая удобная.

— Ошибки случаются.

— Разумеется. Особенно когда умершие начинают подавать заявления.

Он поджал губы. Лиара видела, как его пальцы едва заметно сжали край стола.

— Я больше ничего не могу вам сообщить.

— Тогда скажите только одно. Кто оформлял перевод Вейра?

Пауза оказалась короткой, но достаточной.

— Какой перевод?, — напрягся помощник.

Вот теперь она улыбнулась по-настоящему.

— Спасибо.

— За что?

— За подтверждение.

— Я ничего не подтверждал.

— Вы спросили «какой перевод», а не «о чём вы говорите».

Лицо помощника изменилось. Совсем чуть-чуть, но этого вполне хватило.

— Госпожа Вельская...

— Куда его переводили?

— Я не могу...

— Номер приказа.

— Я сказал...

— Номер.

Он посмотрел на дверь. Лиара тоже посмотрела. Потом снова на него. Через минуту на полях её блокнота появились шесть цифр. Ещё через три она уже знала, что приказ был засекречен. А через двадцать стояла перед зданием Управления Глубины.

Здание находилось почти у самого Морока. Здесь Светоград менялся. Шум центральных улиц оставался позади, дома становились ниже, камень темнее, ветер сильнее, а воздух приобретал тот особенный вкус, который невозможно было спутать с речным: соль, мокрые водоросли, холодный металл и едва уловимая горечь, напоминающая кровь на разбитой губе.

Здание Управления было сложено из почти чёрного камня, гладкого и блестящего от дождя. Над дверями висела небольшая серебряная табличка.

УПРАВЛЕНИЕ ГЛУБИНЫ.

Никаких гербов. Никаких лозунгов. Никаких каменных чудовищ. Организации, способные действительно испортить человеку жизнь, редко нуждались в украшениях.

Лиара поднялась по ступеням. Стражник у входа посмотрел на удостоверение «Гласа», затем на неё и вернул документ с выражением человека, которому только что предложили добровольно заразиться чем-нибудь неприятным.

— Управление комментариев не даёт.

— Я ещё не задала вопрос.

— Всё равно не даёт.

— Удобная работа.

Он промолчал.

— Эльмар Вейр.

Ничего.

— Советник Канцелярии внутренних земель.

Ничего.

— Переведён к вам незадолго до смерти.

На этот раз изменился взгляд. Едва заметно, но Лиара почувствовала удовлетворение.

— Значит, всё-таки слышали, — невинно хлопая глазами уточнила Вельская.

— Покиньте территорию Управления.

— Я стою на государственной лестнице.

— Покиньте государственную лестницу.

— А если я напишу, что Управление отказывается комментировать исчезновение десяти двуприродных?

— Напишите.

— Даже не спросите, каких?

— Нет.

— Плохо вас обучают, — начала терять терпение Лиара, как у неё за спиной раздался спиной мужской, низкий и неприятно спокойный голос:

— Что здесь происходит?

Она обернулась. Из дверей Управления вышли трое. Двое продолжили спускаться по лестнице, третий остановился под каменным козырьком, застёгивая перчатку. Высокий. Это Лиара отметила первым. Вторым пришло ощущение физической силы, которую мужчина никак не демонстрировал и именно поэтому невозможно было не заметить. Широкие плечи скрывала тёмная форменная шинель, на высоком воротнике поблёскивала узкая серебряная полоса, а движения оставались настолько неторопливыми и экономными, словно он заранее знал, сколько именно усилий понадобится для каждого следующего шага, и никогда не тратил больше необходимого.

Тёмные волосы были влажными от дождя, на лице темнела короткая щетина. Красивый, подумала Лиара. И почти сразу раздражённо добавила про себя: какая досада.

Мужчина посмотрел на неё. Ничего не произошло. Время не остановилось, молния не ударила в крышу, Морок не разверзся, а древние боги, если они действительно существовали, не сочли нужным сообщить Лиаре, что её жизнь только что изменилась. Просто незнакомец задержал взгляд на несколько секунд дольше, чем требовала вежливость. Она ответила тем

же. Кто первый отвернётся, было совершенно детским соревнованием. Поэтому, разумеется, проигрывать она не собиралась.

— Проблема? — спросил он.

Стражник заметно выпрямился.

— Нет, господин советник. Представитель «Гласа».

Взгляд мужчины скользнул по удостоверению в её руке, затем снова поднялся к лицу.

— Это я уже понял.

— Вы здесь главный? — спросила Лиара.

Один угол его рта едва заметно дрогнул.

— Нет.

— Жаль. Я предпочитаю разговаривать с людьми, которые могут принимать решения.

— Тогда вам действительно не ко мне.

— Какая досада – на этот раз произнесла Лиара вслух.

— Переживёте.

Лиара чуть приподняла бровь.

— Постараюсь.

Он начал спускаться.

— Эльмар Вейр, — произнесла она.

Мужчина остановился. Не резко, но и не настолько, чтобы кто-нибудь менее внимательный вообще заметил. Однако Лиара всю жизнь зарабатывала тем, что замечала вещи, которые другие считали слишком маленькими. Она спустилась на одну ступень:

— Его уволили через восемь дней после смерти. Перед смертью перевели в Управление Глубины.

Мужчина медленно повернул голову.

— Откуда у вас эта информация?

— Любопытно. Вы первый человек за сегодняшний день, который не сказал, что никакого перевода не было.

На несколько мгновений между ними осталось только шипение дождя по камню.

— Вам следует уйти.

— Это официальный комментарий?

— Совет.

— Бесплатный?

— Пока да.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Не доверяю бесплатным вещам.

Его взгляд неожиданно ушёл куда-то ей за плечо. К Мороку. Изменилось что-то едва уловимое. Не лицо, не поза, даже не дыхание. Скорее внимание мужчины внезапно оказалось целиком направлено туда, словно среди шума дождя он услышал звук, недоступный всем остальным.

Лиара обернулась. Чёрная вода. Туман. Птицы. Ничего.

Когда она снова посмотрела на него, прежнее выражение уже вернулось.

— Как ваше имя? — внезапно спросил он.

— Лиара Вельская.

Он помолчал, будто примеряя имя к какой-то уже существующей мысли.

— Марек Таль. Советник Таль.

Имя почему-то подходило ему раздражающе хорошо.

— Теперь мы официально представлены, — сказала Лиара. — Значит, можете ответить на вопрос.

— Не вижу связи.

— Я тоже. Но попробовать стоило.

На этот раз она совершенно точно заметила короткое движение у его рта. Не улыбка. Скорее организм попытался совершить её без разрешения владельца и был немедленно приведён в порядок.

Интересно, подумала она, но вслух лишь спросила:

— Где находился Вейр за три дня до смерти?

Таль посмотрел на её блокнот.

— Закройте его.

— Почему?

— Потому что ответ вам не понравится.

Лиара перевернула страницу на чистую.

— Теперь мне ещё интереснее.

— Вельская.

— Таль.

Он протянул руку.

— Дайте сюда.

Она прижала блокнот к груди.

— Даже не мечтайте.

Несколько секунд Марек смотрел сначала на блокнот, потом на неё.

— Я собирался написать адрес.

Лиара медленно протянула блокнот.

— Тогда выражайтесь точнее.

Он взял карандаш. Пальцы у него были длинные, с несколькими светлыми шрамами на костяшках. Не руки чиновника, хотя формально перед ней стоял именно чиновник.

Марек написал название улицы и номер дома. Лиара прочитала. Район находился недалеко от старой северной гавани, в той части Светограда, где после Излома несколько кварталов ушли под воду, а новые здания возводили прямо поверх фундаментов старого города.

Она подняла глаза.

— Что там?

Марек вернул ей блокнот.

— Увидите.

— Вы только что советовали мне уйти.

— Советую до сих пор.

— Последовательность украшает мужчину.

Он уже отвернулся, когда добавил:

— Не приходите туда после заката.

Лиара посмотрела на его спину. Потом на адрес. Потом на серое небо, где между тяжёлыми облаками уже начинал растворяться короткий осенний день.

— Ну конечно, — пробормотала она.

Потому что за тридцать четыре года жизни Лиара Вельская усвоила множество полезных вещей. Нельзя пить редакционный кофе после полудня. Нельзя верить чиновнику, который начинает ответ словами «насколько мне известно». Нельзя оставлять источник без второго способа связи. И если незнакомый мужчина с неприятно красивым лицом, доступом к государственным тайнам и очевидной привычкой что-то недоговаривать сообщает, что в определённое место **не следует приходить после заката**, существует только один надёжный способ выяснить почему. Прийти после заката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.